

ОБРАЗ ВЛАСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. А. Романович

Институт общественного мнения «Квалитас»

Поступила в редакцию 17 сентября 2009 г.

Аннотация: *каждая политическая культура создает свой образ власти, основанный на базовых ценностях данной культуры. Образ власти, отражаясь в совокупности экспектаций со стороны общества по отношению к представителям власти, оказывает непосредственное воздействие на реальную власть.*

Ключевые слова: *политическая культура, образ власти, базовые ценности, демократия, общество.*

Abstract: *every political culture creates its own image of power based on fundamental values of this culture. The image of power being reflected in the set of the expectations of the society towards public agents influences directly the real power.*

Key words: *political culture, the image of power, fundamental values, democracy, society.*

Разнообразные формы обустройства человеческого общежития есть, в сущности, не что иное, как проросшее зерно той странной субстанции, которая, по выражению известного историка, объединяет Цезаря с самым последним солдатом его легиона, святого Людовика – с крестьянином, который пахал его землю... Эта странная субстанция есть политическая культура. Люди, живущие в одном государстве, связаны единой цепью представлений и образов политической культуры, в частности, образом власти. *Образ власти – это система представлений о власти в обществе, включающая понятия о ее сущности, функциях, структуре, а также ожидания от власти определенных социально-политических действий.*

Политическая культура есть совокупность исторически сложившихся, относительно устойчивых политических представлений, убеждений и ориентаций, а также обусловленных ими моделей и норм политического поведения, проявляющихся в действиях субъектов политических отношений. Каждой политической культуре присущ свой образ власти, отражающий базовые ценности данной культуры.

Ценностные установки являются продуктами переработки идеологических концепций, которые у каждого народа имеют свои специфические особенности. Даже одна и та же идеологическая концепция, например концепция либерализма, в русском варианте приобретает неожиданные очертания, что не остается незамеченным исследователями. В частности, В. И. Россман пишет: «Даже русский либерализм на определенных этапах своего развития пытался сблизить народ не возможностью удовлетворения его скудных потребностей, а самой лучшей философией» [1, с. 44]. Философ считает, что древнее идеологичес-

кое противостояние Платона и Аристотеля исторически развилось в идеологическое противостояние народов и государств. С его точки зрения, Россия явилась плацдармом для воплощения идей Платона. Тут же Россман отмечает государство, которое противостоит России по источнику политической идеи: «Интересно отметить, что аристотелевская идея смешанной конституции была воплощена в государственном устройстве Соединенных Штатов Америки» [1, с. 45]. Аристотелевская концепция «формы» в некоторых важных аспектах предвосхищает теорию «невидимой руки» Адама Смита и идеологию политического либерализма. Концепция «формы» предполагает способность вещей, людей и систем к самоорганизации. Например, применительно к нашему времени, именно на этой идее основана вера в то, что свободный рынок сам все наладит без внешнего вмешательства. Согласно аристотелевской концепции «формы», вещи, движимые изнутри самих себя своей формой и телосом, не нуждаются во внешнем насилии для самореализации и развития.

Противостояние платоновской концепции «идеи» и аристотелевской концепции «формы» имеет далеко идущие последствия. Казалось бы, отвлеченная теория, далекая от реальной практики, на деле выливается либо в почтительное отношение к законам и уважение к ним, либо в пренебрежение законами, способствует созданию различных характеристик образа власти (иерархичность – нивелирование иерархии, централизация – децентрализация, персонификация – деперсонификация и др.), различных способов преодоления социальных проблем, различных понятий о целях общественного развития и т.п.

В противоположность аристотелевской «форме» платоновская «идея» накладывает на материю извне, предполагает иерархию, геометрический центр,

стягивание вещей вместе, центральное администрирование и планирование (все характеристики российского образа власти). Этот центр должен быть персонифицирован в конкретном лице – российскому образу власти свойственна персонификация. Если форма индивидуализирует вещи, то идея собирает разрозненные вещи вместе. Идеи русской соборности во многом родственны этим геометрическим стягиваниям и собираниям воедино, свойственным платоновским эйдосам. Россман считает, что трансцендентные этические идеалы Платона в определенной степени предвосхищает христианство. Русский идеал морали также трансцендентен и также основан на идее жертвенности. Иначе у Аристотеля. Нравственность служит цели достижения счастья, эвдемонии и является его необходимой составляющей. Цель государства как раз и состоит в том, чтобы создать наилучшие условия для реализации того потенциала, который уже содержится в человеческой природе. В противоположность этому цель платоновского государства – вне целей его граждан. По-видимому, оно существует только для того, чтобы поддерживать и воплощать главную добродетель – справедливость [1, с. 46]. Характеристики образа власти в России скорректированы на достижение этой цели.

«Платон, – пишет Россман, – так и не смог найти правителя в Греции, который попытался бы воплотить его идеалы. Советская Россия стала первой и единственной инкарнацией его проектов» [1, с. 42]. Но и сама советская Россия явилась преемницей той государственной формы, которая была создана на Руси Православием. С. С. Аверенцев отмечал, что с возведением христианства в ранг государственного культа идеология священной державы и христианская идеология оказались сцепленными в единую систему «политической ортодоксии». Их сопряжение могло происходить не иначе, как при посредничестве платонически окрашенного символизма [2, с. 45–46].

В России в политической сфере никогда не существовало серьезной массовой оппозиции государственной власти, которая исходила бы из чисто прагматических, утилитарных, неплатонических оснований. «В противоположность классическому либерализму советское диссидентское движение, по сути, осталось совершенно чуждым экономическим запросам и требованиям. Сквозь ветхий либерализм русско-советских диссидентов часто просвечивала мечта о платоновском государстве. Во многих аспектах даже идеи Сахарова и близких к нему диссидентов носили чисто платонический характер» [1, с. 48]. Общественные потребности российского общества не могут быть удовлетворены чисто прагматическим экономическим способом, даже если экономические требования «написаны на фасаде», предъявляются в качестве основных. Декларируемый курс Правительства РФ на повышение благосостояния народа не в

состоянии удовлетворить основную потребность общества. Основная потребность – это уверенность в «правильном пути» развития страны. Легитимна будет в России та власть, которая даст народу эту уверенность.

Потребность в «правильном пути» вытекает из потребности определенной *цели* общественного развития. Определять конечную цель борьбы – это культурная традиция христианства. В нем существует вера во второе пришествие Иисуса Христа, в воскресение мертвых и созданиерая на Новой земле. Китайский ученый Се Тао так интерпретирует постановку целей различными мыслителями: «Конечная цель коммунизма произошла отсюда – это новое издание христианской веры в рай. Маркс, Энгельс, как и Гегель, верили в то, что прогресс человеческого общества не ограничен, не беспределен, а имеет конечную цель, которой завершается общественное развитие. В этом вопросе Гегель и его ученики Маркс и Энгельс изменяют диалектике. Для Гегеля это было свободное государство, а для Маркса и Энгельса – коммунистическое общество. Коммунизм стал знаменем утопии. Когда Бернштейн стал пропагандировать действительно реформистское общество, реальное благосостояние для рабочих, когда он выдвинул лозунг: «Конечная цель – ничто, а движение – все», он, естественно стал врагом Ленина, поднявшего знамя коммунизма» [3, с. 26].

Потребность в *цели* и соответствующая ей потребность в *правильном пути* к ней ощущается властью, поэтому попытки возродить чисто платоническую политическую философию были предприняты и в постсоветскую эпоху, когда появилась необходимость в новой идеологии для русской государственности. В связи с этим в 1996 г. был даже объявлен специальный конкурс на лучший проект русской идеи. С тех пор дискуссия о том, какая национальная идея должна лечь в основу развития страны, не умолкает. Вакантное место «национальной идеи» (которая, собственно, и является конкретизацией потребности в «правильном пути») вносит в общество дискомфорт. Складывается впечатление, что представители власти чувствуют себя неуютно без «национальной идеи», поэтому не оставляют попыток «слепить» какой-нибудь муляж, ее подменяющий. Но подмена идеологического понятия «правильного пути» экономическими пассажами не вносит успокоения в общество, не добавляет сплоченности и согласия.

«Душа России – небуржуазная душа, – душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом», – утверждал Николай Бердяев [4, с. 34]. В. Н. Россман делает специфический вывод: *русская душа – платоничка*. И никто не может быть уверен, что время безальтернативного господства в России «линии Платона», особенно в сфере политики, сегодня подходит к концу. Образ власти в России и поныне связан с идеями

добра и правды, сплоченности и единства, любви и мира, которые имеют скорее трансцендентную, чем практическую основу.

В современной России произошла замена формы власти (форма власти, присущая советскому периоду, сменилась на демократическую форму, заимствованную у США). Замена формы власти органично происходит, если сменяется содержание базовых ценностей, господствующих в обществе. Но ценности российской политической культуры не изменились, изменилась лишь форма правления. Демократия в России не смогла стать национальной идеей (как в США), но стала на некоторое время ориентиром «правильного пути», общественная потребность в котором актуализировалась после того, как была утрачена вера в правильность коммунистического пути развития. Но способ реализации интересов групп населения в демократическом обществе вступил в противоречие с ценностями, заложенными в основу российской культуры. Противоречие между сиюминутными интересами и базовыми ценностями привело в конечном итоге к изменению отношения к самой концепции демократии: правильность такого «пути», как демократия, была поставлена обществом под сомнение.

Так, провокационный по своей сути вопрос: «*Что сейчас более необходимо: демократия или порядок?*» – практически не вызвал затруднений с ответом у респондентов (опрос проведен Институтом общественного мнения «Квалитас» в сентябре 2009 г. среди жителей г. Воронежа по репрезентативной для городского населения выборке, опрошено 655 человек методом личного интервью). Убедительный выбор населением понятия «порядок» (82 %) в противовес «демократии» (8 %) говорит о том, что демократические ценности не стали ориентиром социальной жизни общества, его краеугольным камнем, они не выстраданы обществом, и оно не готово за них бороться [5, с. 14]. На протяжении последних десяти лет (1999–2009 гг.) число сторонников «порядка» как противовеса «демократии» не опускалось ниже 80 %, хотя в начале 90-х гг. количество тех и других было сопоставимо по своим параметрам.

Резкая смена формы правления провоцирует социокультурный кризис. Сегодня к такому выводу приходят многие современные авторы. Н. Е. Князева и С. П. Курдюмов пишут: «История как бы насмеяется над действиями тех реформаторов, которые пытаются сконструировать в социальной среде нечто, не отвечающее ее природе. Навязать среде путь эволюции без учета ее собственных внутренних эволюционных тенденций. В таких случаях общество попадает в «капкан истории», приходит к труднопоправимому кризисному состоянию» [6, с. 40].

В. М. Сергеев назвал такой кризис «когнитивным». В частности, он пишет, что «ситуация когни-

тивного кризиса возникает, когда в нарушение естественного развития насильственно демонтируется традиционная иерархия и система социальных институтов» [7, с. 11]. Мгновенная инсталляция новых институтов невозможна ввиду их инородности социуму, который, подобно организму, отторгает чужие ему образования. Времени же на постепенное их вживание нет, ибо общество не может существовать в условиях вакуума власти.

Политологи упоминают о «когнитивном взрыве», который на современном уровне развития общества является ключевым моментом революции в то время, когда перестают работать старые правила интерпретации окружающей действительности. Именно после этого начинается переходный период и создание новой идеологии, которая дополняет, а зачастую, и подменяет новые правила [8, с. 84].

Представляется, что этот «когнитивный взрыв», или «когнитивный кризис», может иметь два основных варианта его разрешения. В какой-то степени эта ситуация напоминает процесс вторжения инфекции в организм человека. В этом случае могут быть два исхода. Либо инфекция отторгается организмом человека, «побеждается» им, и человек выздоравливает и даже в некоторых случаях приобретает иммунитет. Либо отторжения не происходит, и инфекция начинает адаптировать организм «под себя», перестраивать его таким образом, что организм разрушается. Нечто подобное происходит и в обществе. Чуждое идеологическое понятие, воплощенное в действии или в форме, привнесенное в общество, может быть отторгнуто обществом, если последнее достаточно сильно приверженности к своим социокультурным традициям, сплоченно и, образно говоря, «здорово». Если же общество ослаблено, больно, то новое идеологическое понятие или форма может укрепиться и укорениться в нем, после чего начнется «перестройка» всего общества, которая по определению есть не что иное, как разрушение этого общества и создание какого-то другого.

Кроме отторжения идеи или принятия ее со «смертельным» исходом может быть третий вариант – частичное усвоение идеи, сопровождающееся изменением общества. Так, человек, который приобрел иммунитет в результате действия введенной ему вакцины, изменяется. Организм человека после прививки отличен от организма человека до прививки. Но любой врач знает, что количество введенной вакцины не должно превышать определенного уровня, иначе последует смертельный исход. Если новые идеи противоречат базовым структурам общества, то их усвоение неминуемо приведет к его разрушению.

Защитным покровом общества, гарантом стабильности общественного сознания является традиция. «При уничтожении традиции есть риск лишиться со-

циальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный неизбежный процесс умирания» – писал Б. Малиновский [цит. по: 9, с. 35]. В этом контексте актуализируется вопрос о том, где пролегла грань, переходя за которую общество утрачивает возможность поддерживать традиции, определяющие его культурное своеобразие.

Сегодня понятие «консерватизм» в России приобретает все более ярко выраженный положительный оттенок. К консервативным ценностям, как считают социологи, относятся: религиозность, «идея ранга», патриотизм, сильное государство, приоритет интересов целого по отношению к частям и т.д. Ими определяется свойственная консерваторам враждебность к рационализму и индивидуализму. К. Мангейм, А. Валицкий, В. Гусев полагают, что «консерватизм – это осознанный, теоретически аргументированный традиционализм» [10, с. 173]. Иными словами, консерватизм – это некие мировоззренческие коды, специфика которых сохраняется сквозь столетия.

По мнению В. Гусева, консерватизм имеет национальную окраску. В частности, он пишет: «На статус русского консерватизма может претендовать только такая идеология, которая неукоснительно следует вековым традициям России; видит в Православии и непосредственно вытекающих из него нормах человеческих взаимоотношений абсолютную ценность; рассматривает в качестве политического идеала сильное централизованное полиэтничное государство; настороженно относится к имеющей место в течение всей истории России западной экспансии как угрозе Православии, вытекающей из него народной культуре и охраняющему эту культуру государству» [10, с. 242–243].

Комментируя проблемы внедрения в общество новой формы власти, М. В. Ильин поясняет: «Выбор в политике – не абстрактная и потому безусловная категория, как в философии или логике, а действие, которое всегда соотносится с контекстом и в его рамках обретает свой масштаб и прочие качественные характеристики» [11, с. 157]. В политической науке, по его мнению, уже с 1960-х гг. признано, что сведение модернизации к «простому заимствованию западных моделей политического развития» ошибочно и порочно по существу [11, с. 162].

Образ власти задает параметры реальной структуры власти на основе мировоззренческих характеристик политической культуры, направленных на

поддержание в данном обществе мира и согласия. Если новая (привнесенная извне) форма власти неорганична образу власти, свойственному обществу, то образ власти «ломает» новую форму и «перестраивает» в соответствии с мировоззренческими установками данного общества: это работа своеобразной «иммунной системы», поддерживающей это общество в состоянии равновесия. По мнению Бурдые, наука, которая должна объяснять то, что существует, тем самым постулирует, что ничто не существует без основания [12, с. 107]. Основанием для воспроизводства образа власти является политическая культура. Именно доминирующая в обществе политическая культура фактически определяет пределы модернизации социума, степень «приживляемости» заимствованных форм власти и ее институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Росман В. И.* Платон как зеркало русской идеи / В. И. Росман // Вопросы философии. – 2005. – № 4.
2. *Аверенцев С. С.* Эволюция философской мысли / С. С. Аверенцев // Культура Византии. IV–VII вв. – М., 1984.
3. *Се Тао.* Модель Демократического социализма и перспективы Китая / Тао Се // Вопросы философии. – 2008. – № 8.
4. *Бердяев Н.* Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Сов. писатель, 1990.
5. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Институт общественного мнения «Квалитас». – 2009. – № 9.
6. *Князева Н. Е.* Синергетика: начала нелинейного мышления / Н. Е. Князева, С. П. Курдюмов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2.
7. *Сергеев В. М.* Механизм эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети / В. М. Сергеев // Полит. исслед. – 2003. – № 3.
8. *Тарасов Р. Т.* О проблеме легитимации новой идеологии в переходный период / Р. Т. Тарасов // Власть. – 2008. – № 5.
9. *Ионин Л. Г.* Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М., 1996.
10. *Гусев В. А.* Русский консерватизм: основные направления и этапы развития / В. А. Гусев. – Тверь, 2001.
11. *Ильин М. В.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? / М. В. Ильин // ПОЛИС. – 2003. – № 2.
12. *Бурдые П.* Социолог под вопросом / П. Бурдые : пер. с фр. Г. А. Чердниченко // Социс. – 2003. – № 8.

Институт общественного мнения «Квалитас»

*Романович Н. А., кандидат социологических наук,
генеральный директор ИОМ «Квалитас»*

E-mail: nelly@qualitas.ru

Тел.: 8-903-651-72-74

Public Opinion Institute «Qualitas»

*Romanovich N. A., Candidate of Sociology, General
director of the Public Opinion Institute «Qualitas»*

E-mail: nelly@qualitas.ru

Тел.: 8-903-651-72-74